
Вопросы теории и истории государства и права

Научная статья

Научная специальность

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

УДК 342.25(341.21)(571.122)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.3.3>

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНОРОДЧЕСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: УСТАВ ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ

© Никитин Ф. И., 2024

Филиал Южно-Уральского государственного университета в г. Нижневартовске, г. Нижневартовск, Россия

Анализируется Устав об управлении инородцев – главный документ царской России, положения которого были направлены на регулирование отношений между государством и коренными народами осваиваемых им территорий Севера, Сибири, Дальнего Востока. Теоретико-методологическую основу исследования составили аналитический, диалектический, межотраслевой, синтетический, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-юридический и историко-правовой методы, предполагающие всесторонний и непредвзятый подход к исследованию настоящего вопроса. В заключение делается вывод, что содержащиеся в данном документе правовые нормы, призванные регулировать сложную систему отношений между царским правительством и коренными жителями российских окраин, носили довольно прогрессивный для своего времени характер в отличие от аналогичных норм, существующих в других странах.

Ключевые слова: коренные народы, инородцы, аборигены, устав, самоуправление, М. М. Сперанский, Север, Сибирь, Дальний Восток.

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE MANAGEMENT OF THE FOREIGN POPULATION OF THE RUSSIAN EMPIRE: THE CHARTER ON THE MANAGEMENT OF FOREIGNERS

© Nikitin F. I., 2024

Branch of South Ural State University in Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk, Russian Federation

The article analyzes the main provisions of the Charter on the management of the foreign populations – the main document of tsarist Russia whose provisions were aimed at regulating relations between state and indigenous peoples of the territories of the North, Siberia and the Far East developed by it. The theoretical and methodological basis of the study was formed by analytical, dialectical, intersectoral, synthetic, systemic-structural, comparative legal, formal legal and historical legal methods, which assume a comprehensive and unbiased approach to the study of this issue. In conclusion, it is noted that legal norms contained in this document designed to regulate the complex system of relations between tsarist government and the indigenous inhabitants of the Russian outskirts, were quite progressive for their time, in contrast to similar norms existing in other countries.

Keywords: indigenous peoples, foreigners, aborigines, charter, self-government, M. M. Speransky, North, Siberia, Far East.

В 2022 г. исполнилось 200 лет Уставу об управлении инородцев. Создание этого документа обычно связывают с именем известного государственного деятеля времен царской России Михаила Михайловича Сперанского [13, с. 270]. Его перу приписывают создание целого ряда документов, значительно упростивших организацию управленческого процесса в нашей стране [4, с. 88]. Одним из таких документов был Устав об управлении инородцев. Последний закладывал основу принципиально

новой системы отношений между государством и коренными народами осваиваемых Россией территорий.

Уверовав в идею интеграции коренного населения Сибири в общегосударственное правовое поле, М. М. Сперанский сформировал специфическую систему управления аборигенами, зиждущуюся на двух главных положениях: признании этнокультурной специфики указанных народов и создании условий для их последующей интеграции. Для достижения заявленной

цели предполагалось перестроить все существовавшие в то время управленческие процессы и отношения [4, с. 88].

В ходе обширной ревизии сибирских дел 1819–1821 гг. Сперанским были вскрыты многочисленные факты злоупотреблений местных чиновников [7, с. 21]. Собственно, наличие данных злоупотреблений и стало главной причиной принятия этого документа. Однако первоначально Сперанский предполагал распространить его действие только на бурят, поскольку больше всего нарушений было зафиксировано в Иркутской губернии [16, с. 104].

Дореволюционный исследователь М. Петров писал по этому поводу следующее: «С собою русские приносили инородцам гибель. Облагали ясаком, казнили за непокорность и бунты. Покорители с инородцами обращались по-зверски, отнимая их имущество силой или нагло обманывая при торговле. Их спаивали водкой, заражали всевозможными болезнями... воеводы и правители сибирские посылались русскими царями на восток с полной, неограниченной властью; и если над русским населением воеводы и губернаторы не чинили насилия, то с инородцами они обращались без зазрения совести» [11, с. 140]. В таких условиях принимался документ, определивший судьбы сотен тысяч людей в последующее столетие.

Устав об управлении инородцев был утвержден императором Александром I 22 июля 1822 г. и продолжал действовать практически до начала прошлого века. Среди главных особенностей этого документа можно выделить его «доброжелательный дух» [9, с. 35] и высокую для своего времени юридическую технику [7, с. 21]. Настоящий документ состоял из четырех частей, сорока трех глав и трехсот семидесяти двух параграфов. Многие отечественные правоведы, давая оценку его положениям, неоднократно отмечали его особую роль в регулировании проблем коренного населения окраинных территорий государства. Так, российский и американский юрист Р. Ш. Гарипов утверждал, что «Устав сумел предложить юридическое решение проблем [указанных] народов... образ жизни которых не вписывался в обычные нормы гражданского общества» [2, с. 11].

В соответствии с положениями этого документа зависимое население, проживающее на обширных пространствах Севера, Сибири, Дальнего Востока, ставилось в особое положение [3, с. 399; 8, с. 355]. Инородцы признавались подданными российского императора, однако

они не подчинялись общему законодательству, сохраняя некоторую степень самостоятельности, особенно в вопросах самоуправления [3, с. 399; 8, с. 355]. Наличие подобного статуса обуславливалось, с одной стороны, невысоким уровнем гражданского самосознания и развития этих народов, а с другой – преимуществом в численности народонаселения, отдаленностью расположения территорий их расселения от Европейской России и, следовательно, отсутствием необходимого для их эффективного управления аппарата государственных служащих [3, с. 399, 403; 8, с. 355].

Устав предусматривал деление инородческого населения государства на разряды, выделив оседлых, кочевых и бродячих (§ 1)¹. В основе существующего разделения находился принцип хозяйственного развития. Согласно ему оседлые инородцы не отличались по своему статусу от других подданных Российского государства, проживающих в городах и селениях (§ 13). Будучи приравненными к государственным крестьянам (§ 17, 23), они наделялись одинаковыми с ними правами и обязанностями, за исключением несения воинской повинности (§ 18). Однако последняя была отменена в результате введения в действие всеобщей воинской повинности в 1874 г. [3, с. 404].

К инородцам первого разряда он относил: бухарцев и ташкентцев – узбеков, занимавшихся торговлей в Сибири, татар, ясачный люд Бийского (алтайцы) и Кузнецкого краев (телеуты, шорцы), бухтарминцев (русские крестьяне-старобрядцы) и другие народы, проживавшие совместно с русским населением (§ 2). Два следующих разряда отличались от первого отсутствием оседлости. При этом между собой они также имели отличие, коим выступала нерегулярность кочевания. Так, освобождаясь от несения обязательной воинской службы, они становились специальным субъектом государственной национальной политики. Согласно положениям Устава, кочевые и бродячие инородцы не подчинялись общему законодательству (§ 24). Приписка к соответствующему разряду осуществлялась при каждой переписи населения (§ 7–11).

Поскольку приобретение статуса инородца, кроме как по рождению, попросту не могло существовать, даже принятие христианства не влекло за собой *ipso jure* выхода из этого состояния [8, с. 356]. В то же время Устав пред-

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С. 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собствен. Его Император. Величества канцелярии, 1830. Т. 38 (документ № 29.126).

усматривал возможность приобретения иного правового статуса в результате пополнения мещанского и крестьянского сословий. Последнее предполагало изменение ими своего образа жизни, а именно: осуществления перехода к оседлости – «упражнениям в земледелии» (§ 17). В Уставе прямо указывалось, что оседлые инородцы уравниваются в правах с остальными подданными государства (§ 12, 13). Одновременно с этим кочевые оставались в прежнем сословном состоянии, предполагавшем специфический характер управления (§ 24).

Ко второму разряду Уставом были причислены: буряты, манси, селькупы, хакасы, ханты, эвенки и якуты (§ 3). И наконец, к третьему разряду относились: кеты, коряки, ненцы, тофалары, эвены, юкагиры и др. (§ 4). Особые группы составляли чукчи и тувинцы (§ 5), а также алеуты, айны, индейцы и инуиты (§ 6). Одной из главных целей введения данной системы являлось приведение инородческого населения к господствовавшим в стране порядкам. Подобная цивилизаторская миссия никогда не являлась неотъемлемой прерогативой только царского правительства. Напротив, многие колониальные державы того времени проводили политику принудительной ассимиляции коренного населения в доминирующую социально-экономическую и культурную среду.

Так, в США в 1820-х гг. администрацией президента Э. Джексона была предпринята резкая попытка ассимиляции индейцев. Последняя получила выражение в принудительном переселении «пяти цивилизованных племен» на специально созданную для них индейскую территорию [6, с. 48]. Отсюда неудивительно, что для многих коренных народов процесс включения в господствующее европоцентристское общество обернулся настоящей трагедией.

Характерной особенностью политики многих европейских государств являлось преобладание властно-императивных методов управления при решении проблем коренного населения, как и стремление осуществить превращение «чужих» в «своих» [13, с. 269]. Интеграция аборигенов российских окраин воспринималась не только как миссия, но и как социокультурный мейнстрим эпохи, мало отличавшийся от намерений других государств.

По мнению дореволюционного российского юриста А. Д. Градовского, государство являлось главным бенефициаром перехода инородцев к оседлости и пополнения ими сословия государственных крестьян. Так, в результате

осуществления этого перехода оно могло бы рассчитывать на значительное пополнение бюджетных средств, а также проводить более эффективный учет населения империи. Меньший по размеру ясак, специфика расселения, а также условия проживания этих народов, включая отсутствие необходимого для управления ими аппарата государственных служащих, не давали этой цели осуществиться в полной мере [3, с. 399, 403].

Тем не менее главной чертой политики царского правительства, отличающей ее от других государств, все-таки являлось отсутствие ориентации на физическое уничтожение аборигенов, которая, вкуче со стремлением осуществить догоняющее развитие, может восприниматься как безусловное достоинство, значительным образом гуманизирующее данную политику в глазах не только ее современников, но и потомков. Последняя в гораздо большей степени была приспособлена к учету этнокультурных особенностей коренного населения осваиваемых Российской территорией.

К числу наиболее значимых положений, получивших закрепление в этом документе, наряду с уже упоминаемыми ранее, относилось признание права инородцев на земли, «ими владеемые» (§ 20) и «обитаемые» (§ 28). Соответствующее право признавалось за ними на основании их древних обычаев (§ 20, 26–28). В отношении инородцев второго разряда закреплялась возможность занятия сельским хозяйством, скотоводством и промысловой деятельностью (§ 29), а также торговлей (§ 45). Устав признал возможность разделения таких земель в соответствии с нормами обычного права (§ 27), ограничивая их свободное заселение русскими: «Строго запрещается россиянам самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных» (§ 31).

Однако, несмотря на это ограничение, они все-таки могли обживать их, получая соответствующие разрешения от глав общин, при регулярном внесении платы за их аренду: «Россияне могут брать места у инородцев в оброчное содержание, но всегда по условиям с обществами» (§ 32). Наличие данных обстоятельств препятствовало проникновению на эти территории новых поселенцев. Тем не менее в результате начавшегося во второй половине XIX в. промышленного бума ситуация кардинальным образом изменилась.

Так, священник И. Плахинский, назначенный в с. Покур Сургутского уезда Тобольской губернии, отмечал, что некогда большое посе-

ление аборигенов превратилось в русское: «В самом селе остяков нет, сюда съехались люди со всех концов матушки Сибири и даже России для наживы: народ полушлифованный, надела никакого не имеют; многие поживут, уедут, снова приедут, или на их место приезжают такие же другие» [12, с. 271]. Стоит также отметить, что одной из главных особенностей заселения этих территорий русскими была коренизация. Стремление извлечь из этой земли как можно больше ресурсов, необходимых не только для выживания, но и для расширения производства, способствовало сокращению численности коренного населения в этих местах.

Говоря, таким образом, о характере правового регулирования вопроса землепользования, следует отметить, что Устав позволил вывести эти земли из торгового оборота, признав их за коренными народами (*de jure*). Кроме того, закрепление данного права имело наибольшую значимость для подтверждения аборигенами своих прав на земли, особенно после массового изъятия местными администрациями в конце XVIII в. жалованных грамот, выданных царским правительством представителям местной аристократии в прежние годы [10, с. 100; 16, с. 110].

Что касается культурных прав, то Устав также исходил из признания самобытности не только их культуры, но и их языков. К этим положениям примыкает принцип свободы вероисповедания и богослужения (§ 53). В соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 17 июня 1826 г. инородцам, принявшим крещение, предоставлялась трехгодичная отсрочка от уплаты налогов [15, с. 104, 128]. Однако, несмотря на наличие фактического запрета преследования за языческое вероисповедание, реальное положение вещей складывалось таким образом, что коренное население Сибири неоднократно становилось объектом насильственной христианизации, мотивированной развитием у него в этом случае более высокого уровня гражданского самосознания, характерного для цивилизованных народов.

Как показывает опыт массовой христианизации XVIII в., принявшие крещение сибирские инородцы в лучшем случае становились двоеверцами [16, с. 111], в худшем – поднимали восстания [10, с. 98]. При этом их культуре и мировоззрению наносился значительный урон. Последнее относилось также и к сфере образования. Несмотря на наличие положений, предусматривавших возможность создания ими собственных школ, в которых обучение могло

бы проводиться на родных языках (§ 58), многие общины продолжали сталкиваться с вполне отчетливыми формами дискриминации со стороны преподавателей и духовенства.

Один из примеров таких злоупотреблений, допущенных в отношении не только детей, но и взрослых, содержится в исследовании финского ученого-лингвиста М. А. Кастрена, сделанного им в ходе его экспедиции по Западной Сибири. В нем он приводил жалобы местного населения. В своей массе они касались насильственного отлучения детей от родителей, воспитания их в духе пренебрежения и осуждения собственной культуры, отбывания повинностей и мора голодом [14, с. 201–202]. Настоящие факты призваны говорить лишь о некоторых проявлениях негативного отношения к коренному населению, их ни в коем случае не стоит рассматривать в качестве примеров системной политики. При этом следует все-таки признать, что вопрос просвещения российских коренных народов чаще всего находился в ведении непрофессиональных лиц, допускавших самоуправство. В то же время на территориях, входящих в состав Британской империи в Северной Америке, ситуация обстояла намного хуже.

Отличительными особенностями индейских школ-интернатов стали не только запрет на использование родных языков, но и применение в отношении обучающихся физических и моральных истязаний. В 2015 г. правительственной Комиссией по установлению истины и примирению Канады было признано, что в период существования таких школ государство спровоцировало «культурный геноцид»¹. Согласно ее позиции, «интернатное обучение было всегда больше чем просто образовательная программа: оно являлось неотъемлемой частью сознательной политики культурного геноцида»².

В отличие от канадского опыта, Устав гарантировал сохранение этнических особенностей аборигенов, включая их системы самоуправления, осуществления правосудия, а также признавал почетные звания, соответствовавшие их традициям и обычаям, и фиксировал, что инородцы управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми (совместно со степными думами и родовыми управлениями) на основании их степных зако-

¹ Honoring the Truth, Reconciling for the Future. Summary of the Final report of the Truth and Reconciliation Commission of Canada. The Truth and Reconciliation Commission of Canada, 2015. P. 1. URL: <https://publications.gc.ca/site/eng/9.800288/publication.html> (дата обращения: 15.01.2024).

² Ibid. P. 17.

нов и обычаев (§ 34, 35, 68). В то же время он создал условия для интеграции последних в систему государственного управления России, что соответствовало, по замечанию Л. Я. Штернберга, «вмешательству в дело самоуправления инородцев» [Цит. по: 1, с. 48], поскольку в соответствии с Уставом представители местной выборной либо наследственной аристократии утверждались местными администрациями – губернаторами (§ 65, 109, 147).

В соответствии с Уставом предусматривалась трехуровневая система самоуправления, учреждаемая для инородцев каждого разряда. Так, ведущим оседлый образ жизни и проживающим компактно инородцам гарантировалось местное самоуправление. Они могли выбирать старост и образовать управы (§ 87–89). Данная система устанавливала функции волостных органов самоуправления, подобные тем, что существовали у русских крестьян (п. 90). Если же их селения не удовлетворяли этому критерию, инородцев просто приписывали к деревням и волостям русских (§ 91–92). Для кочевых инородцев предусматривались родовые управления. Они служили объединением 15 семейств (стойбищ) (§ 94, 95). Родовое управление возглавлял староста, который избирался или наследовал это звание (§ 97). Он мог иметь одного или двух помощников «из почетных и лучших родовичей» (§ 96).

На следующем, более высоком уровне организации родового управления находились инородные управы. Они представляли собой объединения нескольких родовых управлений (§ 103), находящиеся в непосредственном подчинении Управы (§ 105), состоящей из главы, двух выборных или назначенных членов и одного секретаря (§ 104). Весьма показательно то, что Устав допускал возможность самостоятельного определения аборигенами порядка формирования своих органов самоуправления, а также сроков пребывания в соответствующих должностях (§ 97–98, 106–108). В то же время все назначения, а также решения, принимаемые этими органами, подлежали согласованию и утверждению местными администрациями (§ 109, 110). Родовое управление бродячих инородцев осуществлялось только старостой (§ 111, 112), которым чаще всего становился местный аристократ или человек, пользующийся особым почетом (§ 111).

Таким образом, важной особенностью новой системы управления аборигенами Севера, Сибири и Дальнего Востока России, созданной М. М. Сперанским, стала унификация всех су-

ществовавших в то время родовых систем, а также включение последних в российскую служебно-административную иерархию [16, с. 126].

Однако вопреки видимым ограничениям и трудностям, с которыми приходилось сталкиваться представителям этих народов в их взаимодействии с органами государственной власти, нетрудно заметить, что построенная М. М. Сперанским система обеспечивала комплексную регламентацию наиболее важных сфер общественных отношений, затрагивающих интересы инородческого населения Российской империи. Наиболее подробным образом им регламентировались вопросы землепользования, ведения промыслов, налогообложения, самоуправления и защиты.

Так, например, в области развития традиционной экономики коренного населения положения Устава ориентировали местные администрации на содействие поощрению товарооборота с этими народами. Им устанавливались льготы на приобретение инородцами товаров первой необходимости, коими выступали хлеб и промысловый фураж (свинец, порох) (§ 51), также закреплялась возможность производить обмен и торговать с русскими, за исключением алкогольной продукции (§ 46, 47). Таким образом, им закладывалась почва для их постепенного включения в национальную экономику, при этом сохранялись их права на земли и природные ресурсы.

В то же время Устав ограничил свободу передвижения инородцев. Так, для посещения соседних городов, селений и ярмарок, расположенных на расстоянии свыше 100 км, требовалось разрешение местного родового старшины (§ 52). При отъезде дальше 500 км следовало получить письменное разрешение органов полиции (§ 52). Полагаем, что наличие данного обстоятельства было связано со стремлением властей сформировать единый рынок рабочей силы и осуществить привязку аборигенов к одной территории. Во многих случаях ставшие характерными для жизни некоторых общин нужда и голод подталкивали аборигенов уходить с насиженных земель и устраиваться на различные работы. Например, на заготовку дров для пароходов в Сургутском и Нарымском уездах Тобольской и Томской губерний [5, с. 297–298], на золотые прииски Мариинского и Кузнецкого уездов Томской губернии [16, с. 113].

Между тем включение коренных жителей в непривычные для их картины мира рыночные отношения создавало для них дополнительные

сложности. Главными из них можно назвать дискриминацию при найме на работу и невыполнение условий договоров, заключенных с русскими дельцами и промышленниками. По обыкновению, последние, давшие им заработок, стали «нечадно их эксплуатировать» [5, с. 298]. Среди главных фактов дискриминации указывались: мор голодом, задержка выплаты заработной платы, сокращение ее итогового размера, увеличение прописанных в договоре сроков работы. Кроме того, промышленники нередко обманывали местное население, обогащаясь за счет скупки и перепродажи с наценкой добываемой инородцами продукции – рыбы, пера, пушнины и ореха [Там же, с. 297–298].

Таким образом, несмотря на обязанность местных властей защищать коренное население, они не могли обеспечить этого. Возможно, настоящее обстоятельство объяснялось положениями Устава, препятствующими вмешательству местного начальства в торгово-экономические отношения аборигенов (§ 48, 49). Однако это неизвестно.

Среди других полномочий, закрепленных за губернскими и земскими органами власти, значились: предоставление высшему начальству отчетов о положении инородцев (§ 295, 296), осуществление выездов на стойбища в целях сбора жалоб (§ 293) и др. Однако последние довольно часто пренебрегали исполнением данных функций.

В своих трудах советский историк С. В. Бахрушин не без горечи констатировал, что, несмотря на полную интеграцию инородческого населения империи в государственную структуру и хозяйственные отношения, последние продолжали находиться в «[жесткой] кабале у скупщиков пушнины, и спаивание туземцев приняло грандиозные размеры... Казенные магазины работали плохо и сами были источником злоупотреблений и эксплуатации “дикарей” со стороны лиц, ими заведовавших, и неграмотные туземцы, всецело предоставленные в жертву частных торговцев, попадали в безысходную кабалу... Лучшие рыболовные угодья уходили за бесценок... Все эти явления происходили на глазах у администрации, отмечались в прессе» [16, с. 119].

В заключение представляется необходимым сформулировать некоторые выводы относительно проанализированного материала. Во-первых, проведенная М. М. Сперанским реформа позволила упразднить практику косвенного управления аборигенами, переведя ее в политику государственной опеки. Последствия

подобного курса не заставили себя ждать. В результате «включения» коренных жителей в хозяйственную и политическую структуру государства стали изменяться их этнокультурная и языковая устойчивость, традиционный хозяйственный уклад и социальная организация.

Во-вторых, регулирование системы управления инородческим населением Российской империи все-таки соответствовало историко-правовым формам развития отношений с ними на протяжении предшествующих периодов. Важной особенностью этой политики оставался ее прогрессивный характер в сравнении с политикой других европейских держав, проводимой ими в отношении коренных народов Америки, Австралии и Океании.

Также приходится с горечью констатировать, что политика частичного вмешательства в дела коренных народов, проживающих на окраинах Российского государства, оборвалась из-за наступления революционных событий первой половины XX столетия. Быстрый переход нашей страны к капитализму, а затем и к социализму ознаменовал собой критический спад различных сфер общественной жизни, в том числе отразился на развитии коренных народов.

На смену политике косвенного управления и частичного вмешательства пришла политика государственного патернализма, а открытие на этих территориях огромных запасов природных ресурсов в середине XX в. и поощрение правительством переселения на них жителей из центральной части страны способствовали тому, что местные народы искусственным путем были лишены своих территорий, по сути, став национальным меньшинством. Юридическим основанием для этого стала отмена Устава.

Полагаем, можно по-разному относиться к законодательству времен царской России. Каждый найдет в нем прежде всего то, что пожелает сам. Однако, несмотря на все это, следует констатировать, что оно сохраняло гуманизм и отличалось очевидной для своего времени прогрессивностью. Основываясь на стремлении обеспечить дифференцированный подход при сохранении комплексного охвата всех таких групп населения, М. М. Сперанский осуществил довольно интересную и весьма успешную, на наш взгляд, попытку найти собственное юридическое решение проблем коренного населения многонациональной империи. ■

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаева Ц. Б., Дугарова А. А. Из истории управления инородческим населением // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № 7. С. 46–50.

2. Гарипов Р. Ш. Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. // История государства и права. 2010. № 23. С. 10–12.
3. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1875. Т. 1. 436 с.
4. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88–93.
5. Зиновьев В. П. Пароходные промыслы на Оби. Земля Александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 292–299.
6. Козенс П. И будет рыдать земля: Как у индейцев отняли Америку. М. : Альпина нон-фикшн, 2023. 695 с.
7. Коновалов И. А. Политико-правовой статус коренного населения Сибири в «Уставе об управлении инородцев» 1822 года // Genesis: исторические исследования. 2018. № 1. С. 20–27.
8. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Издание шестое. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 623 с.
9. Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М. : Норма, 2010. 560 с.
10. Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб. : МАЭ РАН, 2019. 350 с.
11. Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская. Географическая комиссия при учебном отделе Общества распространения технических знаний. М. : Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1908. 211 с.
12. Плахинский И. Первые шаги в приходе // Тобольские епархиальные ведомости. Епархиальная хроника. Отдел неофициальный. 1914. № 16. С. 271–272.
13. Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах : монография / под ред. А. Ф. Малого, С. В. Бухмина, Р. Ш. Гарипова. М. : Проспект, 2021. 360 с.
14. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) : с рис. и портр. Кастрена. М. : Тип. А. Семена, 1860. 495 с. (Магазин земледелия и путешествий : геогр. сб. Николая Фролова. Собрание старых и новых путешествий; Ч. 2 ; Т. 6)
15. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века) : сб. правовых актов и док. / ред.-сост. А. Ю. Конев. Тюмень : Изд-во Ин-та пробл. освоения Севера СО РАН, 1999. 238 с.
16. Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX в. : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 252 с.

REFERENCES

1. Budaeva Ts.B., Dugarova A.A. Iz istorii upravleniya inorodchskim naseleniem [From the history of governance the indigenous population]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy], 2012, no. 7, pp. 46–50. (in Russian)
2. Garipov R.Sh. Ustav “Ob upravlenii inorodcev” 1822 g. [Charter “On the management of foreigners”]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2010, no. 23, pp. 10–12. (in Russian)
3. Gradovsky A.D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava*. [The beginnings of Russian state law]. St. Petersburg, Printing house of M. Stasyulevich, 1875, vol. 1, 436 p. (in Russian)
4. Dameshek L.M., Dameshek I.L. Sibirskaya reforma M. M. Speranskogo 1822 g. kak proyavlenie principov imperiskogo regionalizma [Siberian reforms of 1822 by Speransky as a manifestation of the principles of imperial regionalism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Herald], 2018, no. 426, pp. 88–93. (in Russian)
5. Zinoviev V.P. *Parahodnye promysly na Obi. Zemlya Aleksandrovskaya: Sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 75-letiyu obrazovaniya Aleksandrovskogo rajona* [Shipping business on the Ob river: Alexandrovskaya land: Collection of popular science essays for the 75th anniversary of the formation of the Alexandrovsky district]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1999, pp. 292–299. (in Russian)
6. Cozzens P. *I budet rydat zemlya: Kak u indejcev otnyali Ameriku* [The earth is weeping: The epic story of the Indian wars for the

American West]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2023, 695 p. (in Russian)

7. Konovalov I. A. *Politiko-pravovoy status korennykh naseleniya Sibiri v “Ustave ob upravlenii inorodcev” 1822 goda* [Political and legal status of the indigenous population of Siberia in the “Charter on the management of foreigners” of 1822]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical studies], 2018, no. 1, pp. 20–27. (in Russian)
 8. Korkunov N.M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. Izdanie sheshtoe* [Russian state law. Sixth edition]. St. Petersburg, Printing house of M. M. Stasyulevich, 1909, 623 p. (in Russian)
 9. Kryazhkov V.A. *Korennye malochislennyye narody Severa v rossijskom prave* [Indigenous peoples of the North in Russian law]. Moscow, Norma Publ., 2010, 560 p. (in Russian)
 10. Perevalova E.V. *Obskie ugry i nency Zapadnoj Sibiri: etnichnost i vlast* [Ob ugrians and nenets of Western Siberia: ethnicity and power]. St. Petersburg, MAE RAS, 2019, 350 p. (in Russian)
 11. Petrov M. *Zapadnaya Sibir: gubernii Tobolskaya i Tomskaya. Geograficheskaya komissiya pri uchebnom otdele Obshchestva rasprostraneniya tekhnicheskikh znaniy* [Western Siberia: Tobolsk and Tomsk provinces. Geographical commission under the educational department of the society for the diffusion of technical knowledge]. Moscow, Printing house of the I. D. Sytin Partnership, 1908, 211 p. (in Russian)
 12. Plahinskij I. *Pervyye shagi v prihode* [First steps in the parish]. *Tobolskie eparhialnye vedomosti. Eparhialnaya hronika. Otdel neofitsialnyy* [Tobolsk Diocesan Gazette. Diocesan chronicle. The department is unofficial], 1914, no. 16, pp. 271–272. (in Russian)
 13. *Pravovoe polozhenie korennykh narodov v Rossii i zarubezhnykh stranah: monografiya* [Legal status of indigenous peoples in Russia and foreign countries: monograph]. Moscow, Prospect Publ., 2021, 360 p. (in Russian)
 14. Puteshestvie Aleksandra Kastrena po Laplandii, severnoj Rossii i Sibiri (1838–1844, 1845–1849) s risunkami i portretom Kastrena [Travels of Alexandre Castrén through Lapland, northern Russia and Siberia (1838–1844, 1845–1849) with drawings and a portrait of Castrén]. *Magazin zemlevedeniya i puteshestvij: geograficheskij sbornik Nikolaya Frolova. T. 6. Sbornie starykh i novykh puteshestvij. Ch. 2* [Geography and travel store: geographical collection of Nikolai Frolov. Vol. 6. Collection of old and new travels. Part 2]. Moscow, Printing house A. Semyon, 1860, 495 p. (in Russian)
 15. *Soslovno-pravovoe polozhenie i administrativnoe ustrojstvo korennykh narodov Severo-Zapadnoj Sibiri (konec XVI – nachalo XX veka)* [Estate-legal status and administrative structure of the indigenous peoples of North-Western Siberia (late 16th – early 20th centuries)]. Collection of legal acts and documents. Tyumen, Publishing House IPOS SB RAS, 1999, 238 p. (in Russian)
 16. Sherstova L.I. *Aborigennaya politika Rossii i etnopoliticheskie processy v Sibiri: konec XVI – nachalo XX v.* [Aboriginal politics of Russia and ethnopolitical processes in Siberia: the end of the 16th – beginning of the 20th century]. Textbook. Tomsk, Tomsk University Publ., 2017, 252 p. (in Russian)
- Статья поступила в редакцию 03.01.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 04.09.2024.*
Received on 03.01.2024; approved on 26.05.2024; accepted for publication on 04.09.2024.

Никитин Федор Иванович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры «Экономика, менеджмент и право», филиал Южно-Уральского государственного университета в г. Нижневартовске (Россия, 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, 9), ORCID: 0000-0002-0211-1500, RSCI AuthorID: 8628-3635, e-mail: feodornikitine@yandex.ru

Nikitin Fyodor Ivanovich – Candidate of Juridical Sciences, Lecturer at the Department of Economics, Management and Law, Branch of South Ural State University in Nizhnevartovsk (9, Mir st., Nizhnevartovsk, 628609, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-0211-1500, RSCI AuthorID: 8628-3635, e-mail: feodornikitine@yandex.ru